

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 38, Is. 4, pp. 798-807, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 904;393;282

The History of Islam in Western Siberia: Interdisciplinary Approach to Chronology and Periodization

¹Sergey F. Tataurov

²Mikhail A. Korusenko

¹Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy, Russian Federation
644077, Omsk, Prospekt Mira, 55-A
PhD (History), Associated Professor
E-mail: TatSF2008@rambler.ru

²Omsk State University n.a. F.M. Dostoevskiy, Russian Federation
644077, Omsk, Prospekt Mira, 55-A
PhD (History), Associated Professor
E-mail: otto.link@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the problem of determining the period and mode of the spread of Islam in Western Siberia. The authors analyze the criteria for singling out the evidence of Muslim burial rite in the materials of burial complexes of the XIII-XVIII centuries. Historical, ethnographical and archeological approaches are analyzed. The authors note uneven study of the problem in the frames of history, ethnography and especially archeology. In the fields of history and ethnography considerable data on the problem of Islam penetration into Western Siberia has been accumulated. Archeology is just approaching the problem. The authors have put forward a hypothesis of the process of introduction of the new religion into the region. In its constraints the factors which affected the spread of Islam among the Turkic-speaking population of Western Siberia have been considered. A conclusion is made about breaking this process into stages of initial penetration, transformation of Islam into the religion of the elite, gradual transition to the formation of the first Muslim communities and ultimate Islamisation of the Siberian Tatars.

Keywords: Western Siberia; the Tatars; archeology; history; ethnography; Islam; penetration; spread; a religious community; foundation.

Введение

Двадцать лет назад, в 1994 г., в Омске с большим размахом была проведена международная научная конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири)», на которой, по мнению организационного комитета, должны были быть подведены итоги изучения истории распространения ислама в Сибири. Действительно, к концу XX в. сформировалась солидная база научных трудов, посвященных этому процессу. К проблеме исламизации населения Сибири неоднократно обращались такие видные ученые, как В.И. Соловьев, В.В. Радлов, Н.Ф. Катанов, С.В. Бахрушин, Ф.Т. Валеев, Н.А. Томилов и многие другие. На конференции был сделан вывод, что «...в настоящее время ислам проповедуется подавляющим большинством тюркоязычного населения Западной Сибири и, в целом, сибирское мусульманство оценивается как явление всемирно-исторического масштаба» [1, с. 127-133].

На этом форуме диссонансом прозвучал доклад В.И. Соболева, который начинался словами: «Вопросу исламизации населения Западной Сибири в научной работе практически не уделялось внимания. В основном изучению подвергались проблемы традиционных религиозных обрядов и верований. Существующей ситуации есть вполне объективное объяснение – отсутствие в настоящее время широкой источниковой базы» [2, с. 140-142].

Спустя двадцать лет после этого выступления стала очевидна правильность суждений ученого. В настоящий момент круг источников по этой проблеме, прежде всего археологических, по-прежнему сильно ограничен и пока перспективы по его расширению достаточно проблематичны. Источниковая база наиболее хорошо разработана в историко-этнографическом плане, создание археологических источников или ввод их в научный оборот в настоящий момент сильно отстаёт и в методическом плане и в плане репрезентативности данных.

Обсуждение

Историко-этнографический подход к проблеме. Большинство авторов в качестве точки отсчета распространения ислама в Западной Сибири принимают 1394–1395 гг. – поход исламских миссионеров – 365/366 шейхов и 1700 воинов на берега Иртыша, известный нам по двум рукописям, хранящимся в Тобольском государственном музее-заповеднике и опубликованных в свое время Н.Ф. Катановым [3, с. 133-146]. В настоящее время достоверно установлено, что данные рукописи являются списками с так называемой Карагайской рукописи, обнаруженной исследователями-этнографами А.Г. Селезнёвым, И.А. Селезнёвой, И.В. Беличем в начале 2000-х гг. в д. Карагай Вагайского района Тюменской области [4, с. 36-47].

Со времени публикации Н.Ф. Катанова прошло более ста лет и многие погребальные комплексы, упомянутые в этих рукописях, были найдены и осмотрены. Сейчас у ученых в Западной Сибири есть сведения о 80 местах захоронения святых «астана» (из них – 25 – картографированы), которые так или иначе связаны с этим легендарным походом [4, с. 101]. В тоже время установить точную дату создания таких сооружений, используя исторические и этнографические материалы, довольно сложно, а археологически данные комплексы не исследовались.

В действительности же многие «астана» имеют достаточно позднее происхождение – XVI – XVII и даже XVIII вв. и связаны с переселением новых групп тюркоязычного населения, в основном из Средней Азии, обобщенно именуемых бухарцами или сартами. Не противоречат приведённым датам и сведения о так называемых «астана караулы» – хранителях святых мест, генеалогические схемы некоторых из них восходят как раз к XVI–XVII вв. [4, с. 48-50, 134-138, 141, 144].

Проведённые исследования позволяют констатировать, что культ «астана» и феномен социального института их хранителей имеет как общемусульманскую, универсальную составляющую, так и сугубо местную, привязанную к конкретному поселению, и, вероятно, общине верующих [4, с. 154-155].

Выявленные и описанные историками и этнографами феномены святых мест распространены в южных районах современной Тюменской и в северных районах Омской областей, прилегающих к бассейнам р. Иртыш и Ишим. Речь идёт о Тобольском, Вагайском, Уватском районах Тюменской области и Усть-Ишимском, Знаменском, Большереченском районах Омской области. Особняком здесь стоит Цынгалинская астана в Ханты-Мансийском автономном округе – это крайняя северная точка в размещении этих сакральных объектов. В других ареалах расселения сибирских татар культ «астана» и феномен хранителей этих святынь не зафиксирован. Это некоторые районы современной Новосибирской, Омской, Томской и Тюменской областей, где расселены этно-территориальные группы сибирских татар (томские, барабинские, некоторые группы тоболо-иртышских татар).

Поэтому даже с точки зрения истории и этнографии, легендарный поход шейхов из Средней Азии в Сибирь может рассматриваться как некая условная точка, от которой начался процесс принятия ислама населением Сибири, а наполнение такого процесса составили постоянные миграции пришлого населения сначала из районов Средней Азии (XVII–XVIII вв.), а затем из Европейской России (середина XIX – начало XX вв.).

Можно отметить в связи с этим, что эти исторические события оказали сильнейшее влияние на местное население, что косвенно подтверждают и исторические предания (о них ниже) и лингвистические материалы. В современном языке сибирских татар выявлены арабо-персидские заимствования, связанные с религиозными терминами – «астана», «сеид», «ших», «аулийалар», «аулийа», «йахшилар», терминами для обозначения души/духа живого человека «джан», «рованджан», «рух», «арвах» и т.д., которые мы соотносим именно с раннемусульманским пластом в культуре сибирских татар [4, с. 17-31; 5, с. 186].

Необходимо принимать во внимание, что письменные источники об историческом походе миссионеров в Сибирь носят «...фольклорный по происхождению характер и представляют собой результат зафиксированных письменно устных преданий» [4, с. 47] и никаких археологических следов этого события пока не выявлено. Таким образом, только исторические и этнографические источники для исследования интересующей нас проблемы могут быть применены ограниченно.

В то же время, попытки привлечь данные археологии к датировке принятия ислама тюркоязычным населением Западной Сибири предпринимаются довольно давно.

Археологический подход к проблеме. Несомненно, здесь нужно обратиться к творческому наследию уже упомянутого нами В.И. Соболева. На первый план в проблеме изучения проникновения и развития ислама в Западной Сибири он ставил «прямые свидетельства», а именно археологические данные. Например, в качестве мусульманских памятников он приводил могильник 1-е Киргизское кладбище в Омской области, могильник у села Гжатск в Новосибирской области, и,

под вопросом, «ханское кладбище», находившееся у Искера. Общим для этих памятников является следующее: захоронение под небольшими курганными насыпями, наличие подбоев в могильных камерах, ориентация погребенных головой на север-запад, перекрытие подбоев деревом, отсутствие инвентаря. На основании археологических материалов, полученных с территории Барабинской лесостепи (современная Новосибирская область), в основном из могильников, В.И. Соболев время возникновения ислама в регионе относил к достаточно поздним XVIII–XIX векам [2, с. 140-141]. Не противоречат этому и исторические свидетельства, касающиеся этой территории [6, с. 240].

Необходимо отметить, что в отличие от позиции В.И. Соболева, для ряда исследователей безусловным признаком того, что погребение совершено по канонам ислама является лишь ориентация погребений – головой на северо-запад и обращения лица покойного в сторону Мекки [7, с. 134-137; 8, с. 368-370].

В настоящее время начали появляться работы, в которых делаются попытки связать тот или иной археологический комплекс с проникновением адептов новой религии в Сибирь [9, с. 116-118]. Причём некоторые исследователи идут радикально дальше – они декларируют раннее проникновение ислама (XIII в. н.э.) в таежную зону Западной Сибири, а именно Томское Приобье [7, 8]. В частности, сторонники такого подхода / Е.В. Водясов и О.В. Зайцева на материалах раскопок двух могильников - Астраханском (датируется ранним средневековьем) и Тояновом городке (датируется поздним средневековьем) были выделены группы могил с «признаками исламской погребальной обрядности» [7, с. 134]. Причем эти захоронения авторами разделены еще на две части – «погребения соответствующие канону мусульманского обряда» и «погребения с чертами мусульманской обрядности». Судя по тексту рассмотренной публикации, только 7 могил из нескольких десятков захоронений на Астраханском могильнике соответствуют мусульманскому канону. Во всех остальных случаях, исследователями при интерпретации материала, применён определенный допуск, «приближающий» их выводы к стандарту мусульманского погребения. В одних случаях они отмечают невозможность установления положения черепа. В других - оперируют только одним критерием – покойный «правильно» ориентирован, но погребён с инвентарем, или без инвентаря, но с «не правильной» ориентацией. В их анализе есть и еще один допуск – они причисляют к мусульманским погребениям захоронения в которых зафиксирована только одна вещь и «которые могли и не являться погребальным инвентарем (детали одежды, украшения, находившиеся на умершем в момент смерти, и т.д.)». Тем самым мы можем констатировать, что строгость анализа заменена допущениями, а количество погребений, на которых строится данная концепция ничтожно мало. Еще одним фактом, не позволяющим выдвигать Астраханский могильник, в качестве «уникального и опорного памятника в контексте дальнейшего исследования этапов исламизации местного населения» [7, с. 134], является датировка этого комплекса. Л.М. Плетнева пишет, что по ряду признаков хронологического порядка Астраханский могильник отличается от других могильников развитого средневековья и допускает, что данный комплекс в целом датируется XIII–XIV вв., а возможно, и XV в. [10, с. 116]. Тем самым этот комплекс вполне возможно функционировал позднее рассматриваемого авторами времени и «притягивать» его к золотоордынским государственным образованиям не правомерно.

Что касается могильника «Тоянов городок», то, к сожалению, в силу того, что его исследовало большое количество ученых, а материалы большей части не опубликованы и находятся в разной степени сохранности, привлекать данные его раскопок необходимо чрезвычайно осторожно. На настоящий момент вопрос о датировке этого археологического памятника остается открытым. Относительно раскопок собственно М.П. Грязнова, то на его рисунках, которые хранятся в Музее археологии и этнографии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, не зафиксировано положение черепов в захоронениях, только общая ориентация. По крайней мере, это касается полевых материалов (планов) по раскопкам 1924 г. В переписке М.П. Грязнова и А.П. Дульзона ставится вопрос об общей датировке погребальных комплексов и авторы останавливаются на XVI–XVII вв. [11, с. 193-196]. Тем самым могильник выпадает из интересующего нас времени – XIII–XIV вв.

Необходимо отметить, что уже в следующей публикации, в 2014 г., О.В. Зайцева и Е.В. Водясов удалили сведения могильника «Тоянов городок» из списка памятников, отобранных для анализа, а взамен стали рассматривать данные раскопок могильника Шайтан II. О нём они пишут буквально следующее: «...Единственный могильник, где еще удалось выявить безинвентарные погребения с соблюдением киблы – это могильник Шайтан II...» [12, с. 505]. В связи с этим возникает вопрос к авторам о корректности привлечения тех или иных материалов и их методологических и методических подходов.

Мы считаем, что аргументация вышеназванных исследователей построена без учёта исторических и этнографических реалий региона. Прежде всего, возникает вопрос к авторам рассмотренной концепции об истории этих ранних мусульман. Как они попали на территорию Томского Приобья, и главное, какова их дальнейшая судьба? Этнографические и исторические данные не содержат сведений о раннемусульманских центрах на территории Приобья, за исключением, может быть, пригородов г. Томска (XVII в.). На наш взгляд выдвинутый авторами тезис о том, что «...исследования материальных свидетельств дополняют письменные источники, а

иногда и предлагают альтернативную точку зрения на исторические процессы, происходившие в исламском мире...» [12, с. 504] совершенно не правомерен при изучении процесса распространения ислама в регионе. В связи с этим следует заметить, что использовать исторические, этнографические и археологические источники в отрыве друг от друга невозможно, особенно при изучении такой сложной проблемы, как проникновение и утверждение на территории Западной Сибири новой религии.

Завершая данный раздел необходимо подчеркнуть, что на настоящий момент в Западной Сибири нет регионов, где бы ученые могли зафиксировать устойчивую серию (хотя бы 3-5, не говоря уже о 7-10) памятников со сходными культурными элементами, позволяющими репрезентативно зафиксировать рассматриваемый нами процесс. Нет и антропологических данных, которые могли бы выделить вышперечисленные памятники и связать их с определенными группами мигрантов. Поэтому приводимые О.В. Зайцевой и Е.В. Водясовым данные следует рассматривать только на уровне предварительной гипотезы.

Материалы и методы

Даже такой довольно краткий обзор подходов историков, этнографов, археологов к проблеме принятия ислама в Западной Сибири выявил большое количество пробелов в изучении этапов этого процесса. Очевидная сложность – то, что лежит, что называется «на поверхности» – неравномерная изученность регионов Западной Сибири, где проживает тюркоязычное население, обобщенно именуемое в настоящее время сибирскими татарами или татарами Западной Сибири. Это, прежде всего, касается археологической изученности региона. Повторимся, нам не известны сведения о большом числе мусульманских могильников XVI–XVIII вв. на обширных территориях Западной Сибири, за исключением, может быть, нескольких, упомянутых В.И. Соболевым. То есть говорить, о раннем (XIII–XIV вв.) проникновении ислама на территорию Западной Сибири можно, но о его повсеместном или даже сколько-нибудь значительном распространении в упомянутый период – нельзя.

Не очевидные сложности лежат в методической и источниковедческой областях. Здесь нужно указать на не разработанность археологических критериев выделения смены мировоззренческих основ по результатам исследования погребальных памятников средневековья-Нового времени в регионе.

Так же, с нашей точки зрения, не следует абсолютизировать критерии выделения мусульманских погребений, которые, например, использовал В.И. Соболев (см. выше). Вполне вероятным направлением работы кажутся поиски изменений в следах погребальной практики по регионам Западной Сибири, а затем – выработка обобщенной модели такого процесса на широких археологических материалах. Опять же, повторим, проблему принятия новой религии – ислама тюркоязычным населением региона невозможно решить, не рассматривая источники в комплексе.

В плане использования комплексного источника можно высказать некоторые предположения методологического и методического плана. На наш взгляд, в основании доказательной базы должны лежать представления о связи погребальных комплексов с конкретными сообществами людей – в нашем случае – с мусульманскими общинами. Так как только наличие общины и возможность соблюдения её членами определенных норм, предписанных для выполнения религиозных действий, свидетельствуют о приверженности этих людей определенной религиозной системе. Это особенно актуально для распространения ислама в Западной Сибири, где ряд факторов – природные условия, специфика исторического развития и значительная удаленность от религиозных центров, привели к распространению на этой территории «бытового» или «народного ислама». Такой форме религии, которая позволяет гибко подходить к традиционным нормам и обычаям местного населения и, в необходимых случаях, допускать значительные отклонения от установок шариата [13, с. 106; 14, с. 20; 15, с. 6-8].

Феномен «народного ислама» важен для формирования подходов к интерпретации археологических материалов – ведь за исключением 2-3 могильников мы не можем отнести к мусульманским даже погребальные памятники XVII–XVIII вв., уже не говоря о более ранних. Для авторов настоящей работы очевидно, что в Западной Сибири в рассматриваемое время не было традиции хоронить новообращенных мусульман на отдельных кладбищах. На наш взгляд, отсутствие отдельных погребальных мусульманских комплексов кроется в сохранении у тюркоязычного населения в это время специфических социальных структур. Этнографические материалы показывают нам деление населения у сибирских татар на тугумы – достаточно сложные и давно сформировавшиеся социальные институты. «Тугум в понимании ряда информаторов – это две-три (и более) семьи, т.е. это родственники, одна порода» [15, с. 183-188]. «Тугум объединял группу родственных семей и представлял собой определенное социальное и культурно-историческое единство» [16, с. 132-139].

Мы можем предположить, что верхушка социальной структуры (в социокультурных образованиях, объединенных по принципу общности происхождения или территориально), принявшая раньше своих сородичей новую религию, не могла себе позволить захоронения вне общего кладбища или погребения на таком могильнике по кардинально отличающегося от обычного

обряду. Как нам кажется, просто не кому ещё было выдерживать мусульманский канон при погребении.

Исходя из вышесказанного, а так же того, что новая религия пришла на территорию Западной Сибири в форме ханафитского мазхаба ислама суннитского толка, следует предположить, что на этапе его проникновения и распространения (XVI–XVIII вв.) его адепты могли допускать определенные послабления в выполнении правил шариата, в том числе и при совершении погребального обряда.

По этой причине даже у столицы Сибирского ханства – Искера мы находим в описаниях ханское кладбище, хотя, зная отношение хана Кучума к новой религии, этот могильник, вслед за В.И. Соболевым, правильнее назвать мусульманским.

Наличие инвентаря в погребении является для многих исследователей чертой разграничения между мусульманскими и немусульманскими захоронениями. На наш взгляд для Западной Сибири XVI–XVIII вв. это утверждение нельзя. Исследователю, работающему с такими археологическими материалами, следует допускать, что захоронения выполнялись во многом с учетом традиционных обрядов, сложившихся у населения за много поколений до прихода новой религии.

То есть, в период распространения и укрепления ислама в Западной Сибири, в погребения (и мужчин и женщин), в том числе и на «астана», в качестве сопровождающего инвентаря вполне могли класть оружие, доспехи и другие предметы (бытовые, украшения и т.д.). В связи с этим назрела острая необходимость более пристального внимания к таким комплексам и, по возможности, их исследования археологическими методами.

Нельзя обойти вниманием и такой критерий «классического» мусульманского погребения как ориентация умершего головой на северо-запад. В этой связи интересно рассмотреть сюжет о том, где для тюркоязычного населения Сибири того времени располагалась Мекка. Мы считаем, что для XVI–XVII вв., может быть и XVIII в. это было совершенно неопределенное в географическом отношении место. Кроме того и практически недоступное для того, что бы неопиты новой религии могли совершить туда паломничество. Вполне логичным кажется предположение, что, в том числе и из-за этой неопределенности и физической недоступности общемусульманских святынь, непосредственно вблизи основных населенных пунктов ряда этно-территориальных групп сибирских татар возникли святые места - «астана». Именно они стали объектами поклонения для адептов новой веры, куда они совершали свои региональные паломничества и проводили важнейшие религиозные обряды [4, с. 126-134]. Эти святые места со временем стали ключевыми точками сакрального мусульманского ландшафта некоторых регионов Западной Сибири.

Современные этнографические материалы только подтверждают этот тезис. Так, М.А. Корусенко, собирая в конце XX в. сведения о погребальном обряде в этно-территориальной группе аялыньских татар (расселены по р. Таре, современная Омская область), обратил внимание на некоторые расхождения в ориентации головы покойного при описании процесса погребения у современных мусульман. «Характерно, что информанты из д. Чеплярово сами отмечали разницу, в каком направлении кладут умершего головой у них и в д. Юрт – Бергамак (населенный пункт выше по р. Тара): у них – на запад, а в Юрт-Бергамак – на восток. Обычно западное направление головы и поворот лица к югу они связывают с направлением на *Киблу* (Мекку). Восточная ориентация головы умершего, видимо, в настоящее время также ассоциируется с направлением на мусульманские святыни. Сведения об ориентации покойного в могиле головой на восток зафиксированы нами и в деревнях Инцисс и Берняжка. Причем одна из респондентов – Накия Хамитовна Уразмамметова (Назырова) - утверждала, что Мекка находится именно на востоке» [13, с. 61].

Обращаясь к археологическим материалам, следует отметить, что в могильниках XVII–XVIII вв. и более поздних, ситуация с разбросом в ориентации погребений является обычным явлением. Например, при раскопках могильника Бергамак II, датированного нами XVII–XVIII вв. и расположенного так же на р. Таре было зафиксировано пять вариантов ориентации захоронений [17, 18]. Похожая ситуация с вариантами ориентации могил прослеживается и на современных кладбищах тарских татар [19, с. 91-118]. Сходные данные получены при раскопках в Барабинской лесостепи, где определенная часть погребений в могильниках позднего средневековья ориентирована головой на юг и лицом на восток, что объясняется авторами раскопок, монгольским влиянием [20, с. 172].

Завершая рассмотрение критерия ориентации умершего, отметим, что однозначно соотнести северо-западное направление с признаком мусульманского погребения в регионе исследований невозможно. Невозможно по той причине, что для погребального обряда населения лесостепной и таёжной зон Западной Сибири предшествующих эпох так же характерна северо-западная ориентация покойных. Это связано с направлением течения рек, которые в Западной Сибири текут преимущественно с юга на север – погребения устраивались параллельно или под небольшим углом к реке, умерший ориентировался вниз головой по ее течению. В мировоззрении населения региона именно низовья реки могли ассоциироваться с «нижним миром», миром, куда необходимо «отправить» умершего. То есть ориентация умершего головой на северо-запад как минимум являлась при принятии ислама чем-то новым, а являлась, может быть одним из известных вариантов размещения тела умершего.

На наш взгляд использование двух рассмотренных критериев – безинвентарности и ориентации умерших в погребениях условно в сторону Мекки не является достаточным основанием отнесения археологических комплексов к мусульманским. Свидетельством того, что население изучаемой территории исповедует определенную религию (устойчивую мировоззренческую систему), являются целый ряд данных, получаемых из различных по характеру источников. К ним нами отнесены сведения о: наличии общины верующих при достаточном количестве взрослого мужского населения; храмовых комплексов для совершения служб; данные о надмогильных и внутримогильных сооружениях и конструкциях, возможно и о глубине могил; данные о мировоззренческих представлениях, например, об окружающем мире, месте человека в нём, о жизненном пути человека, его начале и конце; лингвистические данные, например, о терминах, характеризующих те или иные стороны погребального обряда. Особым направлением сбора данных об интересующей нас проблеме является поиск и анализ рукописных, выявление новых архивных и других исторических источников и т.д.

Результаты

В связи с перечисленными критериями поиска данных об изменении верований населения региона нам бы хотелось заострить внимание читателей на определённых моментах. А именно – на проблеме выявления следов функционирования религиозных общин и храмовых сооружений, которые как нам представляется, являлись основанием для распространения и поддержания религиозных верований.

Появление религиозных общин на территории какого-либо региона напрямую свидетельствует о наличии у определенной группы населения ресурсов, которые могут стать источником для распространения религиозных верований во вне, из общины, на другие группы населения и территории. В той связи ещё раз необходимо отметить довольно очевидную мысль – первые мусульмане попали в Западную Сибирь достаточно рано. В этом нет ничего удивительного – весь степной пояс Евразии был связан определенными социально-экономическими и политическими отношениями. В частности торговые пути в регионе исправно функционировали весь период средневековья и торговцы (среди которых вероятно были и мусульмане) возили свои товары далеко на север.

А вот формирование мусульманских общин в Западной Сибири начинается только во второй половине XVI в., это событие связано с образованием Сибирского ханства и деятельностью хана Кучума. Здесь интересен сюжет о том, что хан Кучум дважды обращается к бухарскому хану Абдулле II с просьбой организовать мусульманские миссии в Сибирь. Приезд проповедников не означал быстрое появление мусульманских общин в ханстве, так как эта миссия, по-видимому, переезжала вместе с ханом Кучумом от одной его ставки к другой. Так, руководитель миссии Дин Али-Ходжа после поражения хана Кучума под Искером со своим родом и соратниками переезжает в Тарское Прииртышье и поселяется в д. Сеитово (район современного г. Тара, Омская область), а после основания г. Тары – в городской Бухарской слободе.

Как нам представляется, это была первая в Тарском Прииртышье, а возможно и во всей Сибири, мусульманская община. Ее существованию и росту способствовало то, что в Бухарскую слободу шел постоянный приток переселенцев-мусульман со Средней Азии, которые оседали как в самой Таре, так и на близлежащих территориях. Только с 20-х по 70-е годы XVII в. количество бухарских дворов в Тарском Прииртышье увеличилось с 3 до 53 (примерно 212 чел.), в 1782 г – их было уже 1243 чел, в 1987 – 4247 чел. [21, с. 22, 25].

Непременным атрибутом существования религиозной общины является наличие храмового комплекса. Именно с тарской мусульманской общиной связано строительство первых, после присоединения Западной Сибири к российскому государству мечетей, сначала деревянных, а затем и каменной [22, с. 111-113]. При них сначала была открыта начальная мусульманская школа (мектеб), а позднее и средняя (медресе). Выпускники школы стали служить муллами не только в Западной Сибири, но и за ее пределами – в Поволжье, Южном Урале и т.д. Тарская община долгое время была одной из самых многочисленных в Западной Сибири и одним из основных центров распространения мусульманства в Западной Сибири [23].

В настоящий момент, за исключением фундамента Тарской мечети (заложенной примерно в 1775 г. и разрушенной в 30-е годы XX в.), храмовые комплексы интересующего нас периода в городах Сибирского ханства не найдены. Возможно, остатки мечети зафиксировал Н.Н. Пигнатти во время своих исследований Искера [24, с. 13]. Есть упоминания путешественников XVIII в. об остатках кирпичных мечетей в городках сибирских татар [25, с. 396]. В ряде научных работ имеются рисунки городов, даются реконструкции столиц сибирских ханств с одной или несколькими мечетями [26]. Исторические документы свидетельствуют о разрешении строить мечети инородческому городскому и сельскому населению Западной Сибири по крайней мере с середины XVIII в. [6, с. 244, 245]

Еще одним, хорошо доступным для изучения свидетельством распространения мусульманства являются надмогильные сооружения. Они условно делятся на два блока – это мавзолеи и надмогильные камни с эпитафиями. Традиция возводить мавзолеи пришла в Западную Сибирь с юга вместе с миссионерами и переселенцами из Бухары и трансформировалась у них, вследствие отсутствия привычного строительного материала – камня в устройство оградок, срубов и т.д. из дерева. В упомянутых выше рукописях, захоронения «павших за веру» называются мавзолеями, современными

исследователями их конструктивные детали описываются по аналогии с ныне действующими сооружениями [4, с. 103, 105].

Надмогильные камни с изречениями из Корана так же являются прямым доказательством существования мусульманской общины. В Тарском Прииртышье самый ранний из таких объектов камень – кайрак находится на кладбище д. Сеитово и датируется по аналогиям XVII в. Подобные камни известны в этом и в других районах Западной Сибири [4, с. 189-191].

Если обратиться к хронологии и периодизации процесса принятия ислама населением Западной Сибири, то вопрос о времени распространения ислама в Западную Сибирь на настоящее время остается открытым.

В.И. Соболев делит этот процесс на три этапа:

I. Первые десятилетия XV в. Ислам привнесен окружением хана Тохтамышша и распространяется в местной феодализирующейся верхушке общества.

II. XVI столетие (время существования Сибирского ханства). Благодаря политике, проводимой ханом Кучумом по привлечению проповедников, торговцев из районов Средней Азии новая религия была распространена в господствующих слоях общества.

III. XVIII–XIX вв. Для данного этапа характерно расширение среды, в которой распространяется ислам. Но нельзя считать, что это явление получило массовый характер. Во-первых, у тюркоязычного населения Западной Сибири еще сохранялись устойчивые фрагменты древних религиозных форм, например, анимизма, шаманизма; во-вторых, распространяется влияние христианской религии, которая завоевывала все более прочные позиции, иногда даже вытесняя ислам [2, с. 142].

Соглашаясь в целом со схемой В.И. Соболева необходимо прокомментировать некоторые моменты.

Что касается первого этапа, то он мог начаться и несколько ранее – в конце XIII – начале XIV вв., что связано с религиозными процессами в Средней Азии, но по содержанию это действительно знакомство верхушки общества с новой религией.

Второй этап (60-70-е годы XVI – конец XVI вв. – время существования Сибирского Ханства) связан с деятельностью хана Кучума по принятию населением Сибирского ханства ислама в качестве государственной религии. Это время появления первых мусульманских общин в Западной Сибири, состоящих преимущественно из переселенцев из Средней Азии. В этот период происходит переход от элитной религии к общей уже для некоторых слоёв населения. Тем не менее, ислам распространен преимущественно в местах проживания этих общин. Определёнными следами этого этапа являются арабо-персидские лексические заимствования в языке сибирских татар.

На третьем этапе (XVII–XVIII вв.) продолжилось формирование общин, вокруг крупных городов и в ряде сельских населённых пунктов. Постепенно такие общины стали самодостаточными структурами, распространяя свое влияние на близкие территориальные образования. Пользуясь особенностями государственного управления, они успешно отстаивали свою автономность и сопротивлялись прозелитской политике русской православной церкви. Известно, что в тот период практиковались различные способы обращения в христианскую веру, в том числе и насильственные – разрушение мечетей, изгнание духовных людей и т.д. [27, с. 142]. Но именно в этот период было подготовлено основание для дальнейшего процесса исламизации местного тюркоязычного населения.

Позволим выделить еще один этап – четвертый, и отнести его к XIX – началу XX в., во время которого происходит окончательная исламизация тюркоязычного населения Западной Сибири. Этот этап связан с массовым переселением в Западную Сибирь поволжско-приуральских татар. По мере увеличения численности, пришлые группы стали играть все более заметную роль в жизни сибирских татар, о чём свидетельствуют этнографические многочисленные материалы. Приведём несколько сюжетов из них. «...В д. Инцисс казанские татары... появились небольшой группой и не играли никакой роли в жизни деревни. Затем в деревню приехал Тугум Едихановых, который сразу заявил о себе и, сибирские татары стали считаться с мнением казанских татар [15, с. 186]. Известны конфликты между казанскими и сибирскими татарами, в том числе и на религиозной почве, когда первые выступали против языческих верований, бытовавших в то время у местного населения – уничтожали фигурки идолов-кукол, срубали священные деревья и т.д. Интересные сведения о таком конфликте среди жителей д. Черталы (современный Муромцевский район Омской области): «... недалеко от деревни стояло «священное» дерево сибирских татар – культовая сосна. С середины XIX в. поволжско-приуральские татары здесь стали преобладать и, пользуясь этим, спилили «священное» дерево. После этого они собрали у сибирских татар всех их идолов (информаторы называли их «куклами») и отправили на плоту вниз по течению реки Тары...» [28, с. 243]. Именно поволжско-приуральские татары «заставили» аборигенов соблюдать основные каноны ислама, пусть и в мягкой, адаптированной к местным реалиям, форме.

Заключение

Подводя итог всему вышесказанному следует отметить, что вопрос о времени проникновения ислама в Западную Сибирь нельзя решать только по одной группе источников, например, археологическим материалам. Игнорирование исторических источников, особенно арабоязычных, не допустимо. То же самое можно заметить и об этнографических материалах, в которых очень хорошо отражена история первых мусульманских общин и их противостояния с различными этнокультурными образованиями, которые придерживались иных верований.

Ещё раз подчеркнём, что только наличие религиозной общины и связанных с ее деятельностью храмовых, сакральных и погребальных комплексов может быть неопровержимым свидетельством распространения религии в регионе. Разумеется, археологическая источниковая база и методологические подходы и методический инструментарий нуждаются в пополнении и дополнительной разработке.

То есть, во II тыс. н.э. Западную Сибирь ни в коем случае нельзя исключать из тех мировых процессов, которые происходили на остальной территории Евразии, особенно в вопросах распространения мировых религий.

Благодарности

Работа подготовлена в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 33.1684.2014/К.

Примечания:

1. Томилов Н.А. Некоторые проблемы изучения ислама в Сибири / Н.А. Томилов, А.Г. Селезнев // Ислам, общество и культура: Материалы Международной научной конференции «Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири)». Омск: ТОО Репро-текст, 1994. С. 127-133.
2. Соболев В.И. Распространение ислама в Сибири // Ислам, общество и культура: Материалы Международной научной конференции: Исламская цивилизация в преддверии XXI века (К 600-летию ислама в Сибири). Омск: ТОО «Репро-текст», 1994. С. 140-142.
3. Катанов Н.Ф. О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев Западной Сибири // Учёные записки Казанского университета, 1903. - Кн. XII. - С. 133-146.
4. Культ святых в сибирском исламе: специфика универсального / А.Г. Селезнев, И.А. Селезнёва, И.В. Белич. Москва: Изд. дом Марджани, 2009. 216 с.
5. Корусенко М.А. Мифология сибирских татар в символах образов и вещей (опыты прочтения) / М.А. Корусенко, Ю.И. Ожередов, А.А. Ярзуткина. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2013. 256 с. (Труды Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета. Т. V.)
6. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири. 1032-1882 гг. / сост. И.В. Щеглов под ред. чл. Отд. В. И. Вагина. Иркутск, 1883. 779 с.
7. Водясов Е.В. Признаки мусульманской погребальной обрядности в Обь-Томском междуречье / О.В. Зайцева, Е.В. Водясов // Вестник Томского государственного университета (История)/Изд-во Том. Ун-та, 2013. №3 (23). С. 134-137.
8. Водясов Е.В. Время появления ислама в Томском Приобье по археологическим данным / Е.В. Водясов, О.В. Зайцева // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Казань: Отечество, 2014. Т. III. С. 368-370.
9. Карачаров К.Г. Мусульмане на севере Западной Сибири в позднем средневековье в свете новейших исследований / К.Г. Карачаров, Д.И. Ражев // Форум «Идель-Алтай». Казань: ООО «Фолиант», 2009. С.116-118.
10. Плетнева Л.М. Томское Приобье в начале II тыс. н.э. (по археологическим источникам). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 350 с.
11. Татауров С.Ф. Материалы исследований Тоянова городка М.П. Грязновым в архиве МАЭ ОмГУ // VIII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова: Сб. научн. тр. Омск: Амфора, 2012. С. 193-196.
12. Зайцева О.В. Распространение ислама на северо-восточной периферии Золотой Орды в свете новых археологических данных / О.В. Зайцева, Е.В. Водясов // Былые годы, 2014. №34 (4). С. 504-509.
13. Корусенко М.А. Погребальный обряд тюркского населения низовьев р. Тара в XVII-XX вв.: Опыт анализа и содержания. – Новосибирск: Наука, 2003. 192 с. (Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума; Т.7).
14. Юнусова В.И. Ислам и музыкально-культурные традиции народов Поволжья: (к проблеме взаимосвязи конфессии и художественной культуры) // Этнографическое Обозрение. 1996. №2. С.19-30.
15. Корусенко С.Н. Современный этнический состав и некоторые аспекты этнической истории татарского населения Муромцевского района Омской области (по данным генеалогий) // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск, 1996. Т.1. С. 183-188.
16. Ерш И.А. Некоторые проблемы изучения этнического самосознания сибирских татар // Народы Сибири и сопредельных территорий. Омск, 1995. С. 132-139.
17. Татауров С.Ф. Полевой отчет о работах в Муромцевском районе Омской области. Архив МАЭ ОмГУ. Ф. II. Д. 166-1, 166-2.
18. Татауров С.Ф. Могильник Бергамак II / С.Ф. Татауров С.С. Тихонов // Археолого-этнографические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск, 1996. Т.1. С.58-84.

19. Корусенко М.А. Планиграфия и ориентация татарских поселений и могильников в низовьях р. Тары / М.А. Корусенко, С.Ф. Татауров // Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума (культура тарских татар). Новосибирск, 1997. Т.2. С.91-118.
20. Молодин В.И. Бараба в эпоху позднего средневековья / В.И. Молодин, В.И. Соболев, А.И. Соловьев. Новосибирск: Наука, 1990. 262 с.
21. Корусенко С.Н. Сибирские бухарцы в начале XVIII в. Омск: Изд. дом «Наука», 2011. 248 с.
22. Татауров С.Ф. Первая каменная мечеть Западной Сибири // XIII Сулеймановские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: Полиграфический центр «Экспрессия», 2010. С. 111-113.
23. Алферова О.Ю. Храмы в крепостных стенах: конфессиональная история города Тары / О.Ю. Алферова, С.А. Алферов, Е.И. Кудряшова С.Ф. Татауров. Омск: Издательский дом «Наука», 2014. 230 с.
24. Пигнатти В.Н. Искер (Кучумово городище) // Ежегодник Тобольского губернского музея, 1915. Т. 25. С. 1-36.
25. Фальк И.П. Записки путешествия от С.-Петербурга до Томска / Полное собрание ученых путешествий по России. Санкт-Петербург, 1824. Т.6. 560 с.
26. История Ханты-мансийского округа с древности до наших дней. Екатеринбург: Изд-во "Волот", 2000. 472 с.
27. Томилов Н.А. Этническая истории тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. 271 с.
28. Карнаухов А.В. Сравнительно-историческая характеристика поселений аялыных татар Тарского Прииртышья: (на примере деревень Черталы и Инцисс) // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий. – Омск, 1998. С. 241-244.

References:

1. Tomilov N.A. Some problems of studying Islam in Siberia Islam, society and culture: Materials of the International Scientific Conference: Islam civilization at the turn of the XXIst century (to the 600th anniversary of Islam in Siberia). Omsk: TOO Repro-tekst Publ., 1994. pp. 127-133. (In Russian)
2. Sobolev V.I. The spread of Islam in Siberia. Islam, society and culture: Materials of the International Scientific Conference: Islam civilization at the turn of the XXIst century (to the 600th anniversary of Islam in Siberia). Omsk: TOO «Repro-tekst» Publ., 1994. pp. 140-142. (In Russian)
3. Katanov N.F. About the religious wars of Sheikh Bagautdin followers against the indigeneous dwellers of Western Siberia .Academic notes of Kazan' University, 1903. Book XII. pp. 133-146. (In Russian)
4. Seleznev A.G. The cult of saints in Siberian Islam: the particulars of the universal / A.G. Seleznev, I.A. Selezneva, I.V. Belich. Moskow: Mardzhani Publ., 2009. 216 p. (In Russian)
5. Korusenko M.A. The mythology of the Siberian Tatars in the symbols of images and things: an attempt of interpretation. / M.A. Korusenko, Yu.I. Ojeredov. A.A. Yarzutkina. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie Publ., 2013. 256 p. (Works of the Museum of archeology and ethnography of Tomsk State University. Vol. V). (In Russian)
6. Chronological list of the most important data in the history of Siberia of 1032 - 1882. sost. I.V. Shcheglov pod red. chl. Otd. V. I. Vagina. Irkutsk, 1883. 779 pp. (In Russian)
7. Vodyasov E.V. The signs of Muslim burial rites in the Ob' – Tom' interfluve. Tomsk State University Herald (History)/Tomsk University Publ., 2013. №3 (23). pp. 134-137. (In Russian)
8. Vodyasov E.V. The time of Islam emergence in Tomsk Ob' River Region according to the archeological data. Works of the IV (XX) All-Russian archeological conference in Kazan': Otechestvo Publ., 2014. Vol. III. pp. 368-370.
9. Karacharov K.G. The Muslims in the north of Western Siberia in late Middle Ages in the light of most modern research. Forum «Idel'-Alatay». Kazan': ООО «Foliant», 2009. pp.116-118. (In Russian)
10. Pletneva L.M. Tomsk Ob' River region in the beginning of the millennium (on archeological sources. Tomsk: Tomsk University Publ., 1997. 350 p. (In Russian)
11. Tатауров S.F. The materials of research of Toyanov settlement by M.P. Gryaznov in the MAE OmGU archive. VIII historical readings commemorating Mikhail Petrovich Gryaznov; the collection of scientific works. Omsk: Amfora Publ., 2012. pp. 193-196. (In Russian)
12. Zaytseva O.V. The spread of Islam in the north-east periphery of the Golden Horde in the light of the new archeological data. *Bylye gody*, 2014. №34 (4). pp. 504-509. (In Russian)
13. Korusenko M.A. The burial rite of the Turkic population of the lower reaches of the Tara River in XVII-XX centuries: an essay on analysis and contents. Novosibirsk: Nauka Publ., 2003. 192 p. (Ethnographic- archeological complexes: the problems of culture and society. Vol.7). (In Russian)
14. Yunusova V.I. Islam and musical-cultural traditions of the peoples of the Volga Region (to the problem of connections between a confession and the arts). Etnograficheskoe Obozrenie. 1996. №2. pp.19-30. (In Russian)
15. Korusenko S.N. Modern ethnic composition and some aspects of ethnic history of the Tatar population of Muromtsevo Rayon of Omsk Oblast'(on the genealogical data). Ethnographic- archeological

- complexes: the problems of culture and society (the culture of Tara Tatars). Novosibirsk, 1996. Vol.1. pp. 183-188. (In Russian)
16. Ersh I.A. Some issues of studying the ethnical self-conscience of the Siberian Tatars. Peoples of Siberia and adjacent territories. Omsk, 1995. pp. 132-139. (In Russian)
17. Tataurov S.F. A field report on the works in the Muromtsevo Rayon of Omsk Oblast'. MAE OmGU archive. F. II. D. 166-1, 166-2. (In Russian)
18. Tataurov S.F. Bergamak II burial mound. / S.F. Tataurov, S.S. Tikhonov. Ethnographic-archeological complexes: the problems of culture and society (the culture of Tara Tatars). Novosibirsk, 1996. Vol.1. pp.58-84. (In Russian)
19. Korusenko M.A. Planigraphy and orientation of the Tatar settlements and burial mounds in the lower reaches of the Tara River. / M.A. Korusenko, S.F. Tataurov. Ethnographic- archeological complexes: the problems of culture and society (the culture of Tara Tatars). Novosibirsk, 1997. Vol.2. pp.91-118. (In Russian)
20. Molodin V.I. Baraba in the times of the late Middle Ages. / V.I. Molodin, V.I. Sobolev, A.I. Soloviev. Novosibirsk: Nauka Publ., 1990. 262 p. (In Russian)
21. Korusenko S.N. Siberian Bukhartsy in the beginning of the XVIII century. Omsk: Nauka Publ., 2011. 248 p. (In Russian)
22. Tataurov S.F. The first stone mosque in Western Siberia. XIII Suleymanov readings: Materials of All – Russian scientific – practical conference. Tyumen': Ekspressiya Publ., 2010. pp. 111-113. (In Russian)
23. Alferova O.Yu. Cafedrals within fortresses: confessional history of the town of Tara. Omsk: Nauka Publ., 2014. 230 p. (In Russian)
24. Pignatti V.N. Isker Isker: The ancient settlement of Kuchum. Annual journal of Tobolsk Province museum, 1915. Vol. 25. pp. 1-36. (In Russian)
25. Fal'k I.P. The travelogue from St. Peterburg to Tomsk. The complete collection of academic trips around Russia. Saint-Peterburg, 1824. Vol.6. 560p. (In Russian)
26. The history of Khanty-Mansi Autonomous Area from ancient times to present days. Ekaterinburg: Volot Publ., 2000. 472 p. (In Russian)
27. Tomilov N.A. Ethnic History of the Turkic-speaking population of western Siberian Valley in the end of the XVI - the beginning of the XX century. Novosibirsk: Novosibirsk University Publ., 1992. 271 p. (In Russian)
28. Karnaukhov A.V. Comparative historical characteristics of the settlements of Ayalyn Tatars of the Tara Irtysh Region (on the example of the settlements of Chertaly and Intsiss. Ethnic history of Turkic peoples of Siberia and adjacent territories. Omsk, 1998. pp. 241-244. (In Russian)

УДК 904;393;282

**История ислама в Западной Сибири:
междисциплинарный подход к хронологии и периодизации**

¹Сергей Филиппович Татауров

²Михаил Андреевич Корусенко

¹ Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: TatSF2008@rambler.ru

² Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Российская Федерация
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: korusen@omsu.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения времени и характера распространения ислама в Западной Сибири. Рассматриваются критерии выделения в материалах погребальных комплексов XIII – XVIII вв. признаков мусульманского обряда погребения. Анализируются подходы к проблеме с точки зрения истории, этнографии и археологии. Авторами отмечено неравномерное изучение проблемы в рамках истории, этнографии и, особенно, археологии. В рамках истории и этнографии накоплены значительные данные и материалы по проблеме проникновения ислама в Западную Сибирь. Археология только подступает к этой проблеме. Авторы создали гипотезу процесса внедрения новой религии в регион. В её рамках рассмотрены факторы, оказавшие влияние на распространение ислама среди тюркоязычного населения Западной Сибири. Делается вывод о делении этого процесса на этапы – первоначального проникновения, превращения ислама в религию элиты общества, постепенный переход к формированию первых мусульманских общин и окончательная исламизация сибирских татар.

Ключевые слова: Западная Сибирь, татары, археология, история, этнография, ислам, проникновение, распространение, религиозная община, создание.